

ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА

А. И. Осипов

Институт подготовки научных кадров

Национальной академии наук Беларуси

Минск, Беларусь

E-Mail: philosophy1954@mail.ru

Культурно-историческая традиция – это своеобразная память народа, некий необходимый способ фиксации, закрепления и селективного сохранения определенных значимых элементов социального опыта, прошедших отбор, выдержавших проверку временем. Это универсальный механизм трансляции внутренне структурированного и аксиологически нормированного опыта, который обеспечивает генетическую связь, устойчивую преемственность в культурно-историческом процессе, приобщение к которому – необходимое условие национальной, групповой и персональной идентичности.

Отказ от культурно-исторических традиций своего народа ведет к разрыву преемственности, дестабилизации, дезинтеграции, кризису идентичности. Другая крайность – абсолютизация всех сложившихся социально-культурных форм жизнедеятельности народа. Поэтому необходимо как сохранение традиций, так и творческое развитие накопленного опыта. Сохранение означает не консервацию, а бережное отношение к традиции, уважительное отношение как к своей, так и к другим традициям, которое не исключает творческих новаций. Это дает возможность открытого продуктивного межкультурного диалога, результатом которого должно стать взаимообогащение, а не культурная колонизация, уничтожение, растворение, поглощение и т.п. Консервация же контрпродуктивна, закрыта диалогу, ведет к изоляционизму, отсталости, выпадению из мирового культурно-цивилизационного процесса. Консервация – неадекватная защитная реакция на перемены, ведущая к напряженности, конфликтам, фундаментализму.

Процессы социально-экономической и политической трансформации на постсоветском пространстве глубинным образом зависят от культурной традиции, которая выступает как некая духовная легитимирующая инстанция. Культурная традиция может или санкционировать, освящать социально-экономические и политические новации, или тормозить их, а то и вовсе отторгать, если последние не соответствуют ее «генетическому коду». Культурная легитимация, в отличие от политико-правовой, носит неинституциональный, неявный, неформальный характер, что совсем не означает, что такой легитимацией можно пренебречь.

Как бы ни пытались апологеты постмодернизма доказать торжество ценностей глобализации и неолиберализма, необходимо признать, что уважение к нравственности и великим духовным ценностям были и останутся неперемennым условием любых позитивных программ реформирования общества и успешного преодоления периодов кризиса и растерянности духа [2, с. 10].

В нынешнем кризисе России (да и не только России), как отмечает В. М. Межуев, наибольшее беспокойство вызывают даже не экономические трудности, а разрыв с той культурной традицией, которая побуждала русскую мысль искать формулу более достойной жизни, чем та, которая достигнута на Западе. Если потеряна вера в такую жизнь, никакая реформа не поможет преодолеть отсталость. Россия как бы обречена и догонять Запад, преодолевая собственную отсталость, и опережать его в тех пунктах, где он сам оказался в кризисной, критической ситуации. Можно говорить о наличии иных приоритетов и ценностей, отличных от западных. В самом общем виде они заключаются, видимо, в утверждении особого типа человеческой солидарности, не сводимой лишь к политико-правовым и экономическим связям и отношениям. Единственно достойная

человека перспектива развития предполагает не отказ от гражданского общества и правового государства, а эволюционирование в сторону более всеобщих связей и отношений, лежащих в плоскости духовного, культурного и, прежде всего, морального бытия человека [5, с. 11–13].

Детище Запада – техногенная цивилизация, которая во второй половине XX в. вступила в новую фазу своего развития – постиндустриальное общество, стремительно превращается в информационное общество. Сама логика развития техногенной цивилизации привела к постепенной секуляризации культуры, доминированию научной, а затем и технической рациональности, (принципы технологичности, функциональности, инструментальности). Это привело к массовому производству, росту производительности труда и уровня жизни, господству потребительских стандартов и ориентаций. Все это вместе взятое привело к «выдавливанию» духовности из образа жизни западного общества. Цивилизация стала «поглощать» культуру. Дело в том, что технологичность может быть в лучшем случае нейтральной по отношению к духовно-нравственной сфере, а в худшем – подавлять ее. Об этом сейчас стали все настойчивее говорить как на Западе, так и в России.

Духовность – «материя» тонкая и хрупкая. Гедонизм, потребительство, сытость – антиподы духовности. Именно сытость, а не материальная обеспеченность. Последняя вполне может быть совместима с высокими устремлениями человека. А вот нищие, голодные, озлобленные люди вряд ли будут носителями духовности. Духовность в ее светском понимании – это устремленность человека к светлому и возвышенному, к тому, что лежит за пределами его витальных потребностей. Духовность – это выход человека за рамки своей животной природы, своего эгоизма и ограниченности. Иными словами, это выход из сферы быта, в сферу бытия, прорыв из узкоэмпирического, ограниченного мирка суетливой, повседневной событийности в бескрайние экзистенциальные горизонты человеческой бытийности, наполненной глубинными смысложизненными вопросами и ценностями.

Своеобразие восточнославянского менталитета в наибольшей степени проявлялось именно в этой жажде духовности, устремленности к высоким идеалам нравственной правды, справедливости, социального служения, которые основывались на фундаменте Православия. Историческая воплощенность, реализованность в прошлом потенциала православных традиций и ценностей в образе жизни и менталитете русского и белорусского народов – факт бесспорный. Но может возникнуть сомнение относительно того, насколько востребован этот потенциал в настоящее время. Нужно ли его актуализировать сейчас, в эпоху глобализации? Не будет ли такая актуализация помехой, препятствием для построения цивилизованного общества в постсоветских странах, стремящихся занять достойное место в мировом сообществе? Апологеты глобализации как раз и пытаются доказать, что культурно-исторические и религиозные традиции – это анахронизм, помеха от которой нужно как можно быстрее и без сожаления избавиться. На это можно ответить следующее. Да, действительно, культурно-исторические и религиозные традиции являются помехой на пути культурной унификации, которой чревата безудержная глобализация, понимаемая как вестернизация, а точнее как американизация. «Глобальная система массовых коммуникаций выступает мощным фактором нивелирования культурных различий. Ответом на наступление в XX и еще более в XXI столетиях является запрос на идентичность (национальную, религиозную, социально-групповую, личностную) [3, с. 13]. Приобщение же к традициям своего народа является необходимым условием сохранения национально-культурной самобытности, потеря которой равнозначна культурной катастрофе. Поэтому для сохранения своего лица, обретения идентичности, мы должны не отказываться от своего культурного и религиозного наследия, а актуализировать его.

Религиозный ренессанс, который имеет место в постсоветских странах, свидетельствует о том, что есть некие неистребимые глубинные экзистенциальные потребности человеческой души, уставшей жить в мире пошлости, цинизма и лицемерия. «Тяга к религии в качестве своеобразного ответа на проблемы и противоречия техногенной цивилизации связана со стремлением преодолеть фрагментарность и раздробленность

личности, столь характерной для «индустриального человека», с желанием обрести, таким образом, определенную целостность бытия. В возрастающем интересе к религии проявляется реакция на «холодную безличность научного знания», на жестокость технологического императива и экономического расчета, на абсолютизацию технократического сознания, в котором средства часто преобладают над целью, цель – над общечеловеческими ценностями, где укоренился инструментальный взгляд на человека как на программируемый, обучаемый компонент системы и объект разнообразных манипуляций [7, с. 41].

Многие люди, погруженные в водоворот повседневных будничных забот, вдруг обнаруживают свою несамодостаточность, уязвимость, незащищенность и начинают испытывать острую потребность обретения «онтологической безопасности» в единении с Абсолютом. Как отмечает Г. Я. Миненков, религия имеет дело с «вечным в человеке» и именно поэтому всегда присутствует в обществе и истории. Религия бессмертна, потому что говорит человеку о самом важном: о Боге, смерти, вечной жизни, смыслах, которые по ту сторону обыденности и прагматики временного существования. Религия не особая функция духовной жизни человека, а то, что задает глубину всех ее функций [6, с. 38].

Богатейший потенциал культурно–исторических и религиозных традиций и ценностей нашего народа является его исторической памятью, фундаментальным культурно-генетическим кодом, который не лежит на поверхности эмпирически стихийного бытия. На него нельзя «натолкнуться» в водовороте повседневности. Чтобы отдельный человек или поколение «вспомнили» о своей традиции нужно тактично и ненавязчиво «напомнить» им о ней, сформировать желание приобщиться к ней и помочь отыскать эту животворящую криницу. Основные усилия для решения этой архиважной проблемы должны быть сосредоточены в сфере образования и воспитания.

Воспитание – процесс сугубо антиэнтропийный, требующий систематических, напряженных усилий. Если пустить воспитание на самотек, то образование сведется к обучению и будет неполноценным. Знания об истории, культуре, религии своего народа, конечно, необходимы, но их недостаточно для воспитания личности. Вызывает тревогу наметившаяся в Беларуси и России тенденция сворачивания гуманитарного образования под предлогом обеспечения инновационного развития. Однако последнее не может быть осуществлено без всестороннего образования личности. Если эти знания не задели глубинных струн души становящейся личности, если она осталась равнодушной к полученной информации, то она не ощутит эту культурно-историческую и религиозную традицию как свою, родную, в которую корнями проросла ее душа. Поэтому нравственный и гражданский долг педагогов, наставников не только правдиво, живо и интересно рассказать воспитанникам о своей культуре, но и ненавязчиво помочь им сформировать уважительное к ней отношение, что является необходимым условием приобщения к ней.

Эти и другие фундаментальные смысложизненные проблемы должны ставиться и решаться в процессе духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, в котором важную роль может и должна играть Православная Церковь с ее высоким авторитетом и влиянием. В актуализации богатейшего духовно-нравственного потенциала православных традиций и ценностей должно быть заинтересовано и государство, а не только Православная Церковь.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что, необходима система целенаправленных усилий образовательно-просветительского и воспитательного характера. Прежде всего, необходимо повышение уровня религиозной грамотности наших людей, который, к сожалению, остается очень низким. Именно религиозная малограмотность, доверчивость и неискушенность таких ищущих людей может сделать их легкой добычей «духовных разбойников». Человек может и не быть религиозным, но знать и уважать свою религиозную традицию он обязан, как культурный, образованный человек. Никакого навязывания религии, ее форсированного внедрения в систему образования быть

не должно. У человека есть право свободного и осознанного конфессионального самоопределения.

Эффективная система духовно-нравственного воспитания в рамках современного образования может и должна стать главным средством противодействия нетрадиционной духовности. В кризисные периоды и общество и отдельный человек начинают испытывать «острую потребность в самоидентификации, т.е. в осознании новых жизненных реалий и осмыслении своего положения во вновь возникшей системе социальных координат» [4, с. 178].

Необходимо формирование духовно богатой и нравственно зрелой личности, которая может противостоять энтропийному, разрушительному воздействию хаоса, самостоятельной и критически мыслящей, устойчивой к внешним конъюнктурным воздействиям, сколь бы привлекательными и соблазнительными они не казались с точки зрения массовой культуры. Для нее характерны адекватность самооценки, глубина понимания смысложизненных проблем в контексте как личного, так и общечеловеческого существования. Жажда устроения земной жизни, достижение материального комфорта и благополучия, жажда власти, славы, богатства, успеха для такой личности никогда не будут приоритетными ценностями. Для нее вещное никогда не заменит вечного, а подлинность человеческой бытийности никогда не сведется к суетливой событийности. «Человек должен быть достаточно открыт к восприятию того, что несет ему современный мир, и одновременно быть способным защищать самые глубины своей жизни, сохраняя свою национальную, духовную, религиозную, культурную самобытность, а вместе с этой самобытностью сохраняя нравственную систему ценностей» [1, с. 182].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Быть верным Богу: книга бесед со Святейшим Патриархом Кириллом* / [составитель А. В. Велько]. – 2-е изд. – Минск : Издательство Белорусского Экзархата, 2010. – 591 с.
2. *Глобальный мир перед новыми вызовами* : Сб. ст. / Редкол.: В.А.Астапенко и др. – Мн. : Нац. ин-т образования, 2002. – 88 с.
3. *Захаров, А. В. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ* / А.В. Захаров // *Вопросы философии*. – 2003. – № 9.
4. *Кузнец, А. М. Россия в поисках национальной идеи* / А.М. Кузнецов // *Вопросы философии*. – 2002. – № 1.
5. *Межуев, В. М. О национальной идее* // *Вопросы философии*. – 1997. – №12.
6. *Миненков, Г. Я. Проблема религиозно-культурной идентичности в русской мысли XIX–XX веков : Современ. прочтение: [Учеб.-метод. пособие]* / Европ. гуманитар. ун-т. – Минск : ЕГУ, 2003. – 655 с.
7. *Суперфин, Л. Религия в индустриальном и постиндустриальном мире* // *Вопросы экономики*. – 1993. – № 8.